

RU

Макроконцепт СВЕТ в романе С. В. Лукьяненко «Мальчик и Тьма»

Каменская И. Б.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении содержания и способов экспликации макроконцепта СВЕТ в романе С. В. Лукьяненко «Мальчик и Тьма», трактуемого как один из трех макроконцептов (СВЕТ :: СУМРАК :: ТЬМА), оппозиция которых организует концептосферу произведения, модифицируя оппозицию базовых концептов СВОЙ МИР :: ЧУЖОЙ МИР. Научная новизна исследования состоит в выявлении сущности авторской модификации рекуррентного в творческом наследии Лукьяненко и значимого для русской национальной картины мира символического макроконцепта СВЕТ средствами когнитивно-дискурсивного анализа. Определено, что макроконцепт СВЕТ, концептуализируемый как объект и субъект действия, вместилище и содержимое, эксплицируется дискурсивно на уровнях сюжета, образов персонажей, саморефлексии главного героя, дополняясь новыми когнитивными признаками. В результате установлено, что формулируемое автором содержание понятийного ядра макроконцепта СВЕТ входит в противоречие с его перцептивно-чувственным и символическим содержанием. Такое противоречие, формируя аксиологический слой концепта, служит двигательной силой взросления главного героя, проходящего путь от инстинктивного принятия до осознанного выбора Света.

EN

The macro-concept LIGHT
in the novel “The Boy and the Darkness” by S. V. Lukyanenko

Kamenskaya I. B.

Abstract. The purpose of the study is to identify the content and methods of explication of the macro-concept LIGHT in the novel “The Boy and the Darkness” by S. V. Lukyanenko, interpreted as one of three macro-concepts (LIGHT :: DUSK :: DARKNESS), the opposition of which organizes the conceptual sphere of the novel, modifying the opposition of the basic concepts HOME WORLD :: ALIEN WORLD. The scientific novelty of the research consists in identifying the essence of the author’s modification of the symbolic macro-concept LIGHT recurrent in his creative heritage, the macro-concept significant for the Russian national worldview, by means of cognitive-discursive analysis. It has been determined that the macro-concept LIGHT, conceptualized as an object and subject of action, container and content, is explicated discursively at the levels of the plot, images of characters, self-reflection of the protagonist, supplemented by new cognitive features. As a result of the study, it has been established that the content of the conceptual core of the macro-concept LIGHT, formulated by the author, contradicts its perceptual-sensory and symbolic content. Such a contradiction, forming the axiological layer of the concept, serves as the driving force for the maturation of the protagonist, who proceeds from instinctive acceptance to the conscious choice of Light.

Введение

Актуальность нашего исследования обусловлена, с одной стороны, обращением к когнитивным основам жанра детского фэнтези, оказывающего несомненное влияние на становление языковой личности современного юного читателя. С другой стороны, выполнение исследования в рамках когнитивного литературоведения призвано углубить понимание когнитивных процессов художественного сознания как одной из форм моделирующего отражения объективной реальности.

Жанр фэнтези относится к молодым жанрам художественной литературы, чье изучение совпадает по времени с его интенсивным развитием и модификацией и поэтому не может не вызывать разночтений и острых дискуссий. Исследователи когнитивной природы фэнтези (Зубов, 2021; Плотникова, 2005) полагают, что в ее основе лежит иррациональное когнитивное острание, и определяют художественный мир фэнтези как аномальный, но производящий впечатление достоверности в силу ограниченного допущения иррациональности.

В качестве основного приема когнитивного остранения в детском фэнтези отмечают «когнитивное моделирование вымышленного мира, изначально основывающееся на эмпирическом опыте ребенка и интенсивно обогащающееся коллизиями квестового сюжета на нескольких уровнях, обеспечивающих целостность восприятия нового псевдоопыта: эмоционально-образном, морально-этическом, рефлексивном» (Каменская, Адамчук, 2022, с. 111).

Сергей Васильевич Лукьяненко – один из наиболее продуктивных, читаемых и экранизируемых представителей современного российского литературного процесса, лауреат более пятидесяти литературных премий. При достаточно широком диапазоне оценок и мнений, подавляющее большинство исследователей творческого наследия писателя сходятся в том, что С. В. Лукьяненко – автор интеллектуальной прозы, моделирующей актуальные для современного сознания явления, сфокусированный на духовном конфликте главного героя и умеющий сделать философски значимый конфликт двигателем динамичного сюжета (Парамонов, 2011; Савина, Путило, 2014; Толкалова, 2016). Последнее делает творчество С. В. Лукьяненко благодатным материалом для концептуально-дискурсивного исследования, способным обогатить современную филологическую науку выработкой объективного представления о механизмах работы художественного сознания, стремящегося объяснить нашему современнику его самого.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач: а) характеристика системы значений, закрепленных в системе русского языка за словом-репрезентантом макроконцепта СВЕТ; б) обобщение лингвокогнитивных исследований концепта СВЕТ в русскоязычной картине мира; в) выявление особенностей авторской модификации макроконцепта СВЕТ в художественном мире романа.

Совокупность поставленных задач определила использование методов исследования: лексико-семантический анализ словарных дефиниций для определения когнитивных признаков концепта СВЕТ в русскоязычной картине мира; метод сплошной выборки при отборе микроконтекстов – экспликаторов содержания макроконцепта СВЕТ в анализируемом произведении; метод когнитивно-дискурсивного анализа художественного произведения и герменевтико-интерпретационный метод для выявления специфики авторского осмысления макроконцепта СВЕТ; метод целостного анализа произведения для определения символическо-ценностных доминант макроконцепта СВЕТ в художественном мире романа и последовательного описания и систематизации отобранных литературных фактов исходя из сформулированных задач исследования.

Материалом для исследования послужила картотека микроконтекстов, эксплицирующих содержание макроконцепта СВЕТ в романе С. В. Лукьяненко «Мальчик и Тьма»: Лукьяненко С. В. Рыцари сорока островов. Мальчик и Тьма. Лорд с планеты Земля: фантаст. романы. М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. В качестве справочного материала использовались электронные толковые словари русского языка: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 41089 словарных статей / под ред. Н. Ю. Шведовой. 1992. <http://ozhegov.info/slovar/?q>; Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2000. <https://www.efremova.info/word/svet.html#.YihQeXFBzIU>; Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1998. <https://gufo.me/dict/kuznetsov?letter=a&page=2>.

Теоретической базой работы послужили исследования проблемы системных объединений концептов в языковом сознании М. В. Пименовой (2005), З. Д. Поповой и И. А. Стернина (2007), А. Н. Приходько (2015), Т. Б. Радбиля (2021a), лингвокогнитивных процессов художественного сознания Л. В. Витковской (2012), Н. В. Володиной (2019), Е. В. Лозинской (2010), Т. Б. Радбиля (2021b), И. А. Тарасовой (2016), G. Fauconnier, M. Turner (2006), N. N. Holland (2009); исследования когнитивного стандарта жанра фэнтези Е. В. Абраменко (2019), А. А. Зубова (2021), О. К. Кулаковой (2011), С. Н. Плотноковой (2005); исследования концепта СВЕТ в русскоязычной картине мира Т. В. Григорьевой (2004), И. В. Ерофеевой (2015), Е. В. Кореневой (2016), Т. А. Фесенко, Н. В. Шестеркиной (2005).

Теоретическая значимость исследования заключается в определении авторской модификации одного из базовых макроконцептов национальной концептосферы как отражения лингвокогнитивных процессов миромоделирования художественным сознанием.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке общих и специальных курсов по современной русской литературе, литературе фэнтези, литературе для детей и юношества.

Обсуждение и результаты

Ключевые концепты романа С. В. Лукьяненко «Мальчик и Тьма» были выявлены на основе анализа концептуальных основ хронотопа произведения. В качестве исходной посылки романа выступают внутренний конфликт главного героя с реальностью и романтическая мечта о чуде. Конфликт мотивирован типичными характеристиками хронотопа городского подростка: эмоциональный и когнитивный голод, подавляемый внутренним конфликтом с матерью, стремление к независимости, неполная семья, нехватка внимания и любви. В дискурсе произведения оппозиция концептов СВОЙ МИР :: ЧУЖОЙ МИР, заложенная в концептуальном стандарте жанра фэнтези (Каменская, Адамчук, 2022), модифицируется как оппозиция макроконцептов СВЕТ :: СУМРАК :: ТЬМА, которая разворачивается дискурсивно на уровнях сюжета, образов персонажей, саморефлексии главного героя, дополняясь новыми когнитивными признаками.

Когнитивно-дискурсивный анализ макроконцепта СВЕТ в настоящем исследовании исходит из толкования концептополя, актуализируемого в художественном произведении, как одноименного художественного

макроконцепта полевой структуры, эксплицируемого через составляющие его концепты и их взаимодействие (Приходько, 2013). Целью анализа является определение содержания понятийного ядра, образного компонента и интерпретационного поля макроконцепта СВЕТ в концептосфере произведения.

Обращение к лексикографическим источникам позволяет выявить систему значений, закрепленных в системе русского языка за словом-репрезентантом макроконцепта СВЕТ. Толково-словообразовательный словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой (2000) приводит следующие значения лексемы «свет»: «1. Лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир видимым. Освещение, исходящее от какого-л. источника. 2. Место, откуда исходит освещение. Освещенное место, пространство. Источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улице». В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова (1992) присутствуют два дополнительных значения: «4. В некоторых выражениях: рассвет, восход солнца (разг.). <...> 5. Употр. как ласкательное обращение (устар. и в народной словесности)». С. А. Кузнецов (1998) в Большом толковом словаре русского языка дополнительно выделяет специальное (в сфере искусства), психологическое и символическое значения лексемы «свет»: «5. Иск. Светлое место, пятно на картине, передающее наибольшую освещённость какого-л. участка изображаемого <...>. 6. Блеск глаз под влиянием какого-л. чувства. <...> 7. Символ истины, разума, просвещения или радости, счастья».

Лингвокогнитивные исследования концепта СВЕТ в русскоязычной картине мира выделяют многоаспектный символизм света, противопоставленного тьме по эмоциональному (символ любви, счастья, радости, надежды), гносеологическому (символ разума, знания, истины), этическому (символ добра), религиозному (символ Бога, святости), онтологическому (символ жизни, возрождения, начала) и эстетическому (символ прекрасного) признакам (Григорьева, 2004; Ерофеева, 2015; Коренева, 2016). Подобная смысловая наполненность концепта СВЕТ позволяет отнести его к аксиологическим концептам русской лингвокультуры, которые «представляют собой такую разновидность лингвокультурного концепта, в которой посредством языка закодированы морально-нравственные и духовные ориентиры народа» (Бирюлина, 2022, с. 116).

Корневая морфема «свет» встречается в романе С. В. Лукьяненко (2004, с. 198) «Мальчик и Тьма» 374 раза, в том числе в эпиграфе из Книги Бытия, что настраивает читателя на символическую, если не на сакральную, интерпретацию содержания одноименного концепта. Наиболее частотным определением слова-репрезентанта макроконцепта СВЕТ является эпитет «настоящий», означающий «действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-нибудь» (Ожегов, 1992) и актуализирующий прототипическую семантику определяемого. На значимость прототипической семантики света указывает и капитализация в тексте эпитета «Настоящий», при помощи которого актуализируются сопряженные мотивы тайны, истинного зрения и истинного знания: «Только Настоящий свет, отраженный Настоящим зеркалом, может ожить» (Лукьяненко, 2004, с. 201). Синтагматическая связь Настоящего света с предикатом «может ожить» актуализирует значение света как символа жизни, противопоставленного тьме как символу смерти.

В концептосфере русского языка семантика мотива истинного света и истинного зрения издавна связывалась с представлением о том, что душа человека живет в его глазах, и отражала убеждение в единстве видения, умения и знания (Ясинская, 2016, с. 117-119). На то, что мотивы истинного зрения и истинного знания связаны в романе с проблемой духовного пути героя и его нравственным поиском, указывает и атрибутивное сочетание «Настоящее зеркало» (источник Настоящего света): «...это зеркало, которое отражает суть вещей. <...> В Настоящем зеркале человек отражается таким, какой он на самом деле, а вещи – такими, какие они должны быть. Поэтому Настоящие зеркала часто разбивают» (Лукьяненко, 2004, с. 201). В этом объяснении сформулированы когнитивные признаки истинного знания: во-первых, это знание сути вещей, знание того, какими они должны быть, знание самого себя; во-вторых, это знание не всегда приносит обладателю радость, нужно духовное мужество, чтобы его принять. В сюжете романа связь света и зрения как знания актуализируется в эпизодах ослепления главного героя Даньки и последующего обретения им Настоящего взгляда как истинного зрения («В твоих глазах Свет. Ты увидишь лучшее, что есть в человеке» (Лукьяненко, 2004, с. 285)), опасного для проявлений Тьмы: «Я посмотрел на них – и почувствовал, как вздрагивают они от моего взгляда. От Света, который живет теперь в моих глазах» (Лукьяненко, 2004, с. 285).

Появление Настоящего света на рассвете или закате также не случайно. И рассвет, и закат – пограничные состояния природы между днем и ночью, между светом и тьмой. То, что Настоящий свет освещает пограничье, говорит о том, что истинное знание себя и мира не дается даром, а добывается в кризисных, критических ситуациях, часто – в контексте экзистенциального выбора.

Когнитивные признаки макроконцепта СВЕТ вербализируются при помощи ряда определений, выявленных в процессе когнитивно-дискурсивного анализа текста произведения. Автор четко дифференцирует обыденное и символическое значение лексемы «свет» при помощи капитализации: Свет как одна из сил мироздания пишется с заглавной буквы либо со строчной в словосочетании «Настоящий свет», в то время как свет как оптическое явление – всегда со строчной. При этом аксиологический компонент когнитивных признаков «Света» и «света» не совпадает. Так, «Свет» бывает «теплый, ласковый, солнечный» (Лукьяненко, 2004, с. 253), «Свет – Настоящий свет, теплый, радостный, добрый» (Лукьяненко, 2004, с. 379). Просто «свет» может быть опасным, болезненным, враждебным, нейтральным: «...вспыхнувший на мгновение кроваво-огненный свет...» (Лукьяненко, 2004, с. 250); «...резкого света фонарей, и кинжальных пучков света из окон...» (Лукьяненко, 2004, с. 288); «На полу лежал черный валун, испускающий холодный черный свет» (Лукьяненко, 2004, с. 378); «...очки позволяли видеть в его свете – багрово-фиолетовом, неверном, похожем на сумрак фотолаборатории» (Лукьяненко, 2004, с. 383).

Значимость основных признаков часто утверждается в романе предикативно: «Настоящий свет – это солнечный свет» (Лукьяненко, 2004, с. 201); «Звездный свет – всегда Настоящий» (Лукьяненко, 2004, с. 205). Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона о воплощенном знании (Lakoff, Johnson, 1980), ассоциативная связь объекта или явления с небесными телами актуализирует в сознании человека базовую когнитивную оппозицию «верх :: низ», члены которой противопоставлены по признакам «духовное :: материальное», «жизнь :: смерть», «добро :: зло», отразившимся в огромном количестве когнитивных метафор обыденного языка («подняться по социальной лестнице», «упасть в глазах», «взлеты и падения» и т. п.). В контексте романа «Мальчик и Тьма» упоминания звездного света немногочисленны, в то время как Солнце выступает символом и наиболее значимым репрезентантом рассматриваемого макроконцепта, реализуемым на уровне сюжета (продажа Солнца – мечта о Солнце – возвращение Солнца в мир Крылатых) и образа Солнечного котенка – эмиссара Света.

На принадлежность макроконцепта СВЕТ духовной сфере человека указывает и пропозиция «Любовь – это тоже Настоящий свет» (Лукьяненко, 2004, с. 234). С учетом целевой аудитории детского фэнтези целесообразно предположить, что входящий в концептополе СВЕТ концепт ЛЮБОВЬ функционирует в концептосфере романа как гештальт, охватывая все проявления любви, в том числе дружбу: «Посмотри на хорошую картину – и увидишь, что глаза у людей могут светиться. Посмотри на того, кто тебя любит. Посмотри на ребенка или на старика. Это свет, который в тебе» (Лукьяненко, 2004, с. 254-255).

Синтагматические связи основного слова-репрезентанта макроконцепта СВЕТ позволяют выявить его когнитивные признаки как субъекта и объекта действия. Во-первых, как субъект действия СВЕТ эксплицируется как символ знания, путь к разгадке тайны: «Удивительно, чего только не увидишь в Настоящем свете!» (Лукьяненко, 2004, с. 204); «Свет дал мне новое зрение» (Лукьяненко, 2004, с. 349). Во-вторых, СВЕТ как символ жизни способен помочь, излечить, спасти и даже воскресить: «Мне бы чуть-чуть света, Настоящего, и я бы тебя вылечил» (Лукьяненко, 2004, с. 252); «Как мне найти Свет, чтобы спасти друга?» (Лукьяненко, 2004, с. 234); «Медленно, чтобы не расплескать ни капельки Света, я лег на пол рядом с Лэном <...> почувствовал, как Свет течет сквозь меня – в Лэна» (Лукьяненко, 2004, с. 399). В-третьих, СВЕТ обладает собственной волей и желаниями («я из Настоящего света и потому хочу лишь того, что хочет Свет» (Лукьяненко, 2004, с. 329)) и активно борется с ТЬМОЙ: «Мы должны найти много, очень много Настоящего света, чтобы выжечь тьму дотла» (Лукьяненко, 2004, с. 308).

Как объект действия СВЕТ выступает как нечто сверхценное, что ищут («У меня был друг, но он ушел искать свет» (Лукьяненко, 2004, с. 215)), о чем не забывают («Я один из последних, кто помнит Настоящий свет» (Лукьяненко, 2004, с. 252)), что можно сберечь («Солнечные камни, что добывали в наших горах, копили его свет» (Лукьяненко, 2004, с. 253)), что страстно желают увидеть («хоть перед смертью увидим Настоящий свет» (Лукьяненко, 2004, с. 254)). В то же время СВЕТ не мыслится как нечто, неподвластное человеку: его можно предать, купить, продать, соблазнившись сиюминутными преходящими ценностями («Вы продали свет, и ваше солнце перестало светить» (Лукьяненко, 2004, с. 258)), его стремятся вернуть («мы просили выкупить свет обратно» (Лукьяненко, 2004, с. 258)). Наконец, СВЕТ можно обратить во ТЬМУ: «...чтобы боль превратила их свет во тьму» (Лукьяненко, 2004, с. 292).

Одним из важнейших признаков макроконцепта СВЕТ является его функционирование в качестве объекта экзистенциального выбора: «Ты сам решаешь, что тебе больше нравится – Свет или Тьма. И начинаешь бороться – на той или на другой стороне» (Лукьяненко, 2004, с. 329). Выбор между Светом и Тьмой осмысливается как выбор между духовностью и бездуховностью, между поисками истины и смысла и философией потребления: «Это было так просто – продать чуть-чуть света и жить после этого в сытости и спокойствии» (Лукьяненко, 2004, с. 258). По сути, это цивилизационный выбор, проводящий границу между западным и восточным мировоззрением и культурой. При этом довлеющее материальное не следует понимать узко: «И они продали свет. За умные книги, которые мечтали прочитать, за красивые слова, которые научились говорить, за новые песни, которые так приятно было слушать» (Лукьяненко, 2004, с. 258).

СВЕТ, осмысляемый в пространственных категориях, концептуализируется двояко: как размещающийся вовне и внутри человека. СВЕТ как вместилище бытует в «своем» секторе пространства, где человек ощущает себя в безопасности, среди друзей («Где твои друзья? – Там, где светло» (Лукьяненко, 2004, с. 215)): это или своя страна («Я из другого мира. Там светит Солнце» (Лукьяненко, 2004, с. 349)), или дом («в комнате вспыхнули ярким светом белые стеклянные шары» (Лукьяненко, 2004, с. 223)), или убежище («В палатке было тепло и светло. Существа из мрака казались здесь просто дурным сном» (Лукьяненко, 2004, с. 215)).

СВЕТ, концептуализируемый как неотъемлемое качество человека, осмысливается как его жизненная сила, традиционно ассоциируемая с кровью. Поэтому Летящие истязают попавших к ним в плен Крылатых, лишая их воли и силы: «Кровь тоже выпускают медленно, из нее должен выйти весь свет» (Лукьяненко, 2004, с. 292). Вторым вместилищем СВЕТА в человеке выступает сердце, в русской языковой картине мира являющееся символом чувств, добра, души (Ожегов, 1992): «Потом мне вырвали сердце. Тоже очень медленно. Чтобы весь свет в нем перешел во мрак» (Лукьяненко, 2004, с. 292). Наконец, о наличии СВЕТА в человеке говорят его глаза: «...глаза у людей могут светиться» (Лукьяненко, 2004, с. 254). Поэтому у Ивона, добровольно перешедшего на сторону Тьмы, «не было света – ни в глазах, ни в сердце, ни в крови» (Лукьяненко, 2004, с. 292).

Основным контекстуальным синонимом света и вторым по значимости и частотности словом-репрезентантом макроконцепта СВЕТ в романе выступает лексема «солнце», корень которой встречается в произведении 190 раз. Солнце в любой лингвокультуре – источник жизни, света и тепла, то, «что является источником, средоточием чего-н. ценного, высокого, жизненно необходимого» (Ожегов, 1992).

В лингвокогнитивных исследованиях (Бобрышова, 2018; Панасова, 2007) утверждаются следующие когнитивные признаки концепта СОЛНЦЕ, свойственные русскому языковому сознанию: божественная природа,

принадлежность высшим сферам, свечение, красота, объект любви и поклонения, сверхценность, мудрость, справедливость, власть. В славянском мифологическом сознании солнце концептуализируется как «источник жизни, источник различных благ... защитник от бед» (Панасова, 2007, с. 48).

В концептосфере романа лексема «солнце» выступает репрезентантом макроконцепта СВЕТ: «Настоящий свет – это солнечный свет» (Лукьяненко, 2004, с. 201); «Вы продали свет, и ваше солнце перестало светить» (Лукьяненко, 2004, с. 258). При помощи этого контекстуального синонима макроконцепт СВЕТ обретает дополнительные концептуальные признаки. В первую очередь это трепетное, ласковое, интимное отношение к свету, отражаемое в ласкательно-уменьшительном «солнышко»: «Солнышко еще где-то далеко» (Лукьяненко, 2004, с. 209); «Солнышко садилось за горизонт» (Лукьяненко, 2004, с. 406). Та же эмоционально-оценочная коннотация присутствует в имени Солнечного котенка, чей образ создается автором посредством когнитивного механизма агглютинации – комбинированием признаков солнечного зайчика (яркость, движение по воздуху, отраженность от источника света, невесомость) и котенка (рыжий мех, четыре лапки, хвост, голова, зеленые кошачьи глаза). Оба исходных образа принадлежат условной концептосфере детства, ассоциируются с теплом и теплыми чувствами, игрой, забавой. Чудо кажется совершенно безобидным, светлым и добрым.

Перцептивно-образный компонент макроконцепта СВЕТ в романе дискурсивно задается двумя образами: символическим – утраченного солнца и персонифицированным – Солнечного котенка. Оба образа участвуют в приеме когнитивного остранения и заложены в основе фэнтезийного допущения: условием развития сюжета в романе выступают именно наличие мира без солнца и функционирование Солнечного котенка как проводника между мирами и эмиссара Света. Персонификация света в образе Солнечного котенка вводит макроконцепт СВЕТ в концептосферу детства, тем самым концептуализируя его как нечто, свойственное всем детям, неотъемлемое и естественное, некое светлое и доброе начало, с которым каждый ребенок входит в мир.

В то же время второй компонент когнитивного остранения в романе – мир без солнца – концептуализирует СВЕТ как нечто, что не дается раз и навсегда: его можно утратить, его сложно вернуть, на его сторону можно встать или не встать, за него нужно бороться. Путь от инстинктивного принятия до осознанного выбора СВЕТА реализуется на уровне психологического хронотопа романа как путь взросления главного героя: «...я веду по пути, которым ты должен пройти, заставляю тебя взрослеть и уметь быстрее, чем это возможно» (Лукьяненко, 2004, с. 373).

Помещенный в экстремальные условия чужого мира, Данька быстро взрослеет, пытается понять устройство этого мира, причинно-следственные связи и расклад сил: «Я не хочу умирать за Свет. Я должен понять, почему выбрал его сторону» (Лукьяненко, 2004, с. 376). Такое желание только крепнет после того, как Солнечный котенок сообщает, что «Свет – это просто сила, и Тьма – тоже сила. И ничего в них нет ни доброго, ни злого» (Лукьяненко, 2004, с. 328). На этом этапе Солнечный котенок отказывается от функции проводника, принуждая Даньку сделать самостоятельный вывод: «Это не метод Света, Данька. Ты сам решаешь, что тебе больше нравится – Свет или Тьма. И начинаешь бороться – на той или на другой стороне» (Лукьяненко, 2004, с. 329).

Выбор для Даньки упрощается тем, что его понимание Света тесно связано с концептом ДРУГ: «...это просто Солнечный котенок. Это друг» (Лукьяненко, 2004, с. 235). Обретенный в чужом мире настоящий друг тоже на стороне Света: «Он теперь мой Младший, партнер и друг» (Лукьяненко, 2004, с. 235). С другой стороны, его наивная вера в непогрешимость Света все чаще опровергается: «Конечно, светом трудно сделать черное дело, а тьмой – высветить зло. Трудно, но можно. Будь ты хоть весь светящийся, это тебя не застрахует от ошибок и скверного характера» (Лукьяненко, 2004, с. 268).

Свет в лице своего эмиссара требует активной борьбы за себя: «...если хочешь видеть солнце и звезды, не бояться за себя и своих друзей... то нам придется начинать настоящую войну» (Лукьяненко, 2004, с. 346). Пассивного противостояния Тьме, сохранения баланса сил и простого выживания недостаточно для возвращения Солнца. Исходная точка битвы – это провокация, затеянная эмиссаром Света с целью поднять Крылатых на реальные боевые действия против Тьмы. Принимая конечную цель, сформулированную Солнечным котенком («А чтобы Солнце светило, хотите? <...> Или будете еще тыщу лет размножаться для Летящих и торговцев» (Лукьяненко, 2004, с. 334-345)), Данька не может принять предлагаемых средств достижения цели, не в силах разрешить извечную проблему соотношения цели и средств: «Свет твой ничем не лучше Тьмы!» (Лукьяненко, 2004, с. 353). В конечном итоге Данька соглашается – потому что не видит другого выхода, остается один в своем сопротивлении неизбежному, а эмиссар Света фарисейски заявляет «...это ведь все-таки зло. Не могу я совершить такое» (Лукьяненко, 2004, с. 354).

Даньке приоткрывается манипуляторская сущность Света, которая ему претит, как претит и откровенная ложь в устах Солнечного котенка: «Кто-нибудь из вас считает, что Свет может лгать?» (Лукьяненко, 2004, с. 350). Эмиссар Света и от него требует манипулировать людьми: «Заставь их говорить о Свете, чтобы они поверили в него! Заставь их не просто называть себя хорошими и добрыми! Заставь их стать такими!» (Лукьяненко, 2004, с. 329). Ему трудно принять мысль о добре с кулаками, согласиться с тем, что «если Свет хочет бороться с Тьмой, то он должен быть жестоким» (Лукьяненко, 2004, с. 353).

Отправляясь на решающую битву Света и Тьмы, Данька продолжает искать истину в том, что происходит, и в самом себе: «Что делать, если Свет стал страшнее Тьмы, и с кем драться, и как не предать ни себя, ни друга» (Лукьяненко, 2004, с. 381). Стремительно взрослеющий мальчик приходит к пониманию того, что Свет становится опасным, когда он осмысливается как высшая правда, именем которой можно совершать любые деяния. В таком случае его содержание отрывается от первоначальной сущности, становится средством манипулирования людьми. Поэтому «совет – от приснившегося друга, от моего второго “я”» (Лукьяненко, 2004, с. 381) уходит

от риторики Света и Тьмы и приводит к тем, кто эту риторику создает – к людям: «Не сравнивай правду, которая стоит за людьми. Сравнивай людей. <...> потому, что не вера делает нас, а мы – веру. Сражайся за тех, кого любишь. И если при этом ты на стороне Света – пусть гордится Свет» (Лукьяненко, 2004, с. 381).

Таким образом, в структуре макроконцепта СВЕТ доминирующим компонентом выступает формируемый дискурсивно художественный образ как динамическое единство его чувственно-перцептивного компонента и символических образов Солнечного котенка и утраченного Солнца. Концептуализация СВЕТА дискурсивно проходит от стадии его гештальтного осмысления как изначального добра, воплощенного в телесном знании человека, через насыщение символическими интерпретациями до синтеза финального понимания СВЕТА как любви к человеку.

Чувственно-перцептивный компонент макроконцепта СВЕТ категоризируется как субъект и объект действия, осмысляемый в пространственных категориях вместилища и содержимого. Как субъект действия СВЕТ персонифицируется и обладает следующими признаками: физическими (свечение, теплота), эмоциональными (ласковость, доброта, готовность к оказанию помощи; способность к излечению и воскрешению), познавательными (способность к указанию пути, сущности, истины); волевыми (обладание волей и желаниями; нацеленность на борьбу с Тьмой). СВЕТ как активный субъект борьбы со злом обретает не только положительные качества мужества, смелости, бескомпромиссности, готовности к самопожертвованию, но и отрицательные свойства манипулятора, провокатора и лжеца. В качестве объекта действия СВЕТ характеризуется как сверхценный объект поиска, страстного желания увидеть, вернуть, обрести, сохранить, запомнить; как подвластный человеку объект купли-продажи, служения, предательства; как объект экзистенциального цивилизационного выбора между духовностью и бездуховностью, поисками истины и смысла и философией потребления.

СВЕТ как вместилище осмысливается как «свое» пространство, освещенное, теплое и безопасное. СВЕТ, концептуализируемый как внутреннее качество человека, характеризуется как его жизненная сила, душа и способность к познанию, пониманию и сочувствию. Символическая персонификация Света в образе Солнечного котенка вводит макроконцепт СВЕТ в концептосферу детства, концептуализируя его как свойственное детям светлое и доброе начало.

Заключение

Формулируемое автором содержание понятийного ядра макроконцепта СВЕТ – одна из сил мироздания, безразличная к человеку, – входит в противоречие с его перцептивно-чувственным и символическим содержанием, ассоциируемым с добром. Такое противоречие, формируя аксиологический слой концепта, служит двигательной силой взросления главного героя на пути от инстинктивного принятия до осознанного выбора Света. На уровне художественного образа это противоречие воплощено в образе Солнечного котенка, проходящего несколько этапов дискурсивной концептуализации: 1) светлое и доброе чудо, проводник по сказочному миру; 2) друг-ровесник, защитник, целитель; 3) взрослый друг, учитель, воспитатель; 4) отважный и безжалостный воин, лжец и манипулятор во имя целей Света; 5) спаситель, источник жизни, тепла и света; 6) друг-ровесник, чудесный проводник по новым приключениям. Автор вводит в интерпретационное поле макроконцепта СВЕТ отрицательный когнитивный признак возможности дегуманизации сущности Света, когда его символическое понимание как истины в последней инстанции становится средством манипулирования людьми. С. В. Лукьяненко устами главного героя утверждает приоритет любви к человеку над абстрактным пониманием добра и правды.

Перспективы дальнейшего исследования могут заключаться в расширении материала исследования и моделировании концептополя СВЕТ в индивидуально-авторской концептосфере С. В. Лукьяненко с учетом того факта, что роман «Мальчик и Тьма» послужил претекстом серии «Дозоры».

Источники | References

1. Абраменко Е. В. Когнитивное остранение как категория научно-фантастического повествования // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (г. Майкоп, 1-2 ноября 2019 г.). Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2019.
2. Бирюлина Е. А. Аксиологический концепт ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в русской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 21.
3. Бобрышова Д. М. Лингвокультурные концепты «земля», «небо» и «солнце» в русской и английской лингвокультурах // Материалы научной сессии: в 2-х т. / отв. ред. А. Э. Калинина. Волгоград: ВГУ, 2018. Т. 1.
4. Витковская Л. В. Когниция смысла. Литературоведение XXI века. Изд-е 2-е, доп. Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингвист. ун-та, 2012.
5. Володина Н. В. Концептосфера русской литературы: монография. М.: Флинта, 2019.
6. Григорьева Т. В. Семантическая интерпретация концептов «Свет» и «Тьма» в русском языке: дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2004.
7. Ерофеева И. В. Концепт свет в русском средневековье (на материале «Повести временных лет») // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 5.
8. Зубов А. А. Жанры популярной литературы и механизмы когнитивного распознавания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71.

9. Каменская И. Б., Адамчук А. А. Детское фэнтези: концептуальный стандарт жанра // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: материалы V междунар. науч.-практ. конф. (г. Евпатория, 17-18 ноября 2022 г.) / под общ. ред. И. Б. Каменской. Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2022.
10. Коренева Е. В. Концепт Свет в русском языке и житии святого как назидательно-нравственном произведении // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 3 (94).
11. Кулакова О. К. Интертекстуальность в аспекте жанрообразования: на материале жанра фэнтези: дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2011.
12. Лозинская Е. В. Когнитивное литературоведение: авторы, методы, перспективы // Человек: образ и сущность. 2010. № 1 (21).
13. Панасова Е. П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2007.
14. Парамонов С. Г. Концепт «Дом» в авторской картине мира Сергея Лукьяненко (на материале романа «Черновик») // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: материалы междунар. науч. конф. (г. Самара, 12-14 мая 2011 г.) / науч. ред. Н. А. Илюхина. Самара: Универс групп, 2011.
15. Пименова М. В. Концептосфера внутреннего мира человека // Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Кретов А. А., Борискина О. О., Пименов Е. А., Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005.
16. Плотникова С. Н. Концептуальный стандарт жанра фэнтези // Жанры речи: сб. науч. статей. Саратов: ГУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт / ред. Л. В. Балашова, В. И. Карасик, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина.
17. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.
18. Приходько А. Н. Концепты и концептосистемы: монография. Днепрпетровск: Белая Е. А., 2013.
19. Радбиль Т. Б. «Культурный фон» как имплицитный культурный компонент в семантике языковых знаков // Когнитивные исследования языка. 2021а. № 2 (45).
20. Радбиль Т. Б. Лингвокреативный потенциал ценностных аномалий в художественной речи // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. статей V междунар. симпозиума, включенного в программу междунар. фестиваля «Великое русское слово» (г. Симферополь, 8-12 июня 2021 г.): в 2-х т. Симферополь, 2021б. Т. 1 / отв. ред. Е. Я. Титаренко.
21. Савина Н. Н., Путило О. О. Образы пространства в повести С. Лукьяненко «Рыцари сорока островов» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95).
22. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. Воронеж: Научная книга, 2016.
23. Толкалова Н. С. Прецедентные феномены в романе С. Лукьяненко «Недотепа» // Филологические этюды: сборник научных статей молодых ученых / отв. ред. Г. М. Алтынбаева. Саратов: Саратовский нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2016.
24. Фесенко Т. А., Шестеркина Н. В. Концепт «свет» как константа обыденного языкового сознания русского лингвокультурного сообщества (на материале «Русского ассоциативного словаря») // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2.
25. Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: дисс. ... к. филол. н. М., 2016.
26. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: Conceptual integration networks // Cognitive linguistics: Basic readings / ed. by D. Geeraerts. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006.
27. Holland N. N. Literature and the brain. Gainesville: The PsyArt Foundation, 2009.
28. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.

Информация об авторах | Author information

Каменская Ирина Борисовна¹, к. пед. н., доц.

¹ Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Евпатория

Kamenskaya Irina Borisovna¹, PhD

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yevpatoriya

¹ poplar19611961@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.01.2024; опубликовано online (published online): 18.03.2024.

Ключевые слова (keywords): роман С. В. Лукьяненко «Мальчик и Тьма»; макроконцепт СВЕТ; понятийное ядро; перцептивно-чувственный слой; аксиологический слой; novel “The Boy and the Darkness” by S. V. Lukyanenko; macro-concept LIGHT; conceptual core; perceptual-sensory layer; axiological layer.